

*Алексей Берелович,
профессор, Сорбонна*

Новые ценности в постсоветском обществе

Для меня немного странно говорить о ценностях россиян, ибо я не живу здесь и лишен той возможности, которая у вас есть, а именно: посмотреть на себя и понять, каковы собственные ценности. Поэтому, как мне кажется, я в несколько странном положении. Тем не менее я хотел бы поделиться некоторыми соображениями и услышать, что вы об этом думаете. Я не буду долго останавливаться на таких очевидных фактах, как смена некоторых ценностей, изменение отношения к религии, на том, что верующие составляют уже не 20, а 50%, что такие основные понятия грядущей идеологии, как социальная спра-

ведливость, совершенно теперь исчезли, что такие символы, как Ленин, наполовину потеряли свою значимость. Рост притязаний молодежи, ценность денег: последние, судя по анкетам, несколько лет назад занимали последнее место у молодежи, а теперь — первое. Добавлю, что к этим анкетам (не ко всем, например, не к анкетам ВЦИОМа) я отношусь с определенным недоверием. В особенности когда дело касается анкет 80-х годов — когда респонденты говорили, что ценность денег для них на последнем месте, что они все готовы служить в советской армии, повышать свои знания и т.д. По-видимому, они отвечали тогда то, что соответствовало социальной норме, — и это несколько осложняет прослеживание эволюции ценностей. И, может быть, эти изменения (и это мой основной тезис), в общем, не так и велики. Хотя на поверхности, конечно, они прослеживаются, в частности, если речь идет о смене идеологических установок. Но если общество сохраняется, даже если его лихорадит, но все-таки оно не разваливается. А значит, многие системы тем не менее сохранились. И, например, очень показательно (по опросам ВЦИОМа), что элита говорит о спаде нравственности и отводит ему очень важное место в нынешних трудностях, а население, в общем, так не считает. То есть, по-видимому, в элитных кругах есть ощущение полного развала системы бывших ценностей, появления вакуума, но в более широких кругах это ощущение намного слабее. Как мне кажется, бывшая система ценностей была намного более сложной, многослойной, чем это часто представляется. Из этой многослойности и сложности старой системы, мне кажется, можно сделать два заключения. Первое — некоторые элементы старой системы ценностей сохранились. Второе, — даже если составные части этой системы ценностей изменились, то сама она сохранилась.

Попробую немного развить эту мысль. Прежде всего о тех элементах, которые могли сохраниться. Мне кажется, что сама официальная система ценностей, идеология, которая утверждалась этими ценностями, имела, как бы это сказать, "просветительское" происхождение. Есть французская поговорка, что "двуличие — это знак уважения порока к добродетели". Так вот, мне кажется, что официальная идеология была, так сказать, знаком уважения тоталитарной системы к демократии. То есть такие ценности, как свобода, демократия, человеческая жизнь и т.д., утверждались постоянно советской идеологией и опирались при этом на большую русскую культуру. На великую русскую культуру, а также на общечеловеческие ценности. И мне кажется, что именно в этом одно из объяснений легкого перехода из старой системы ценностей в новую. Старую систему упрекали в основном за несоблюдение своих же собственных норм. Вспомним диссидентское движение, которое в основном требовало соблюдения Конституции. Движение за права человека в основном упрекало власть за несоблюдение Конституции, как вы помните. Даже если видеть в этом лишь тактический шаг, то это, кажется мне, тем не менее очень значимым.

На втором этаже такой системы ценностей в более распространенном, менее идеологизированном и официально выраженном их слое было очень много чисто интеллигентских ценностей, таких, как презрение к деньгам, альтруизм, стремление взять на себя чужую боль, горение на службе и т.д. Это тоже позволило сделать легкий переход. Еще одна черта бывшей системы, которая, как мне кажется, облегчила переход — это полная противоречивость старой системы и то, что она была составлена из совершенно разных элементов, которые сосуществовали друг с другом. Такие, например, как соцреализм, который и реализм и в то же время что-то другое. Причем в зависимости от обстоятельств можно было оперировать любым из этих слагаемых. Или опираться на интернационализм, или, если нужно, говорить "великая наша Родина". Когда нужно — "рабочий класс" или, наоборот, "единый народ", — всегда можно было найти то, что нужно. "Равенство" и "каждому по заслугам"... и так — в любой провозглашаемой ценности. Поэтому сегодня отброшены лишь некоторые из этих элементов, другие же остались.

В 60—70-е годы получили распространение, в основном благодаря интеллигенции, ценности, которые в принципе официально не провозглашались или полупровозглашались, но терпелись. К их числу относились традиции духовности, уважения к старшим, честности и т.д. Я имею в виду волну деревенской прозы, которая, конечно, не считалась официальной идеологией, но которая поддерживалась и терпелась ею. Установка на семью, необходимость культурности, хороших манер и т.д., и т.д. Это вполне включалось в старую систему и поэтому могло довольно-таки безболезненно сохраниться. Более того, некоторые формы ценностей, подчеркивающие консерватизм, патриархальность и т.д., даже служили старой системе. Они были необходимы для сохранения консервативных настроений, удерживающих от перемен, поиска чего-то в будущем. Сейчас можно видеть, что позиции этих ценностей усилились, что некоторые из ценностей, перешедших из дореволюционной системы, включились в советскую систему и сохранились в нынешней.

Поражает распространенность установки на прошлое. Любовь к прошлому, прошлолюбие, не знаю, как еще сказать. Отсюда и возвеличение дореволюционной Руси, поиск ценностей в православной церкви и т.д. Это имело место еще задолго до нынешнего перехода, просто из некоторой периферии перешло в центр. Мне хотелось еще раз подчеркнуть многослойность структуры ценностей: существовала господствующая идеология с официальными, если можно так выразиться, ценностями. Но наряду с ценностями, воспринятыми и пропагандируемыми системой, утверждаемыми при помощи той части интеллигенции, которая обслуживала государство, были и другие, чисто интеллигентские, которые как бы не имели права на официальность, но которые также артикулировались, существовали и утверждались при помощи другой части интеллигенции. Это были две части одного целого, а не, как часто говорили, два совершенно разных мира.

Я не буду на этом останавливаться, поскольку общность черт этих двух ценностей очевидна. Но, помимо этих двух артикулируемых систем ценностей, существовала и неартикулированная система скорее не ценностей, а реальных социальных норм. То есть люди знали, что нужно говорить там, а что там, а вели себя по-третьему. По старой шутке: "думаем одно, говорим другое, а делаем третье". Например, деньги, личный успех, установка на индивидуализм. Я совершенно согласен с тем, что говорил два дня назад Герман Германович Дилигенский: не было коллективизма, был реальный индивидуализм, и основой была не столько система *двоемыслия*, а несовпадение *мнений и поведения*. Поэтому когда в конце 70-х годов у студентов спрашивали о престиже профессий (как делали в Новосибирске многие годы), то на первом месте оказывались постоянно ученый-физик, космонавт, врач и т.д. Когда же дело заходило до реальности, то, судя по некоторым отрывочным данным (никогда не видел обобщенных), то конкурс в коммерческое пту был намного больше, чем в педагогический институт.

И последнее — о сохранении структуры ценностей. Мне кажется, что само это сохранение раздвоенности, способности одновременно говорить одно, а делать другое помогает выживанию, а также объясняет, насколько быстро изменилась официальная идеология. Примером может служить новая норма — ходить в церковь или утверждать, что вы верующий. Это утверждение, на мой взгляд, оказывает не большее влияние на реальное поведение людей, чем предыдущее утверждение о том, что вы коммунист или придерживаетесь коммунистической морали. Если мы обратимся к соблюдению нравственных, сексуальных, каких угодно правил населением стран Запада, то увидим весьма значительную разницу между верующими и неверующими. Здесь, как мне кажется, ее просто нет. То есть различия остаются на уровне вербальных высказываний, не влияющих на реальное поведение.

И последнее. Тем не менее мне кажется, что реальные изменения в старой системе ценностей все же есть (хотя я много говорил о том, что не изменилось). Это то, что старая система ценностей, будь то официальная или неофициальная, выражалась интеллигенцией. Сейчас же интеллигенция потеряла эту монополию на ценности, на их утверждение. Поэтому, мне кажется, что ценности интеллигенции, как и сама эта группа, также уходят на периферию. Появляются другие субъекты, которые утверждают свои ценности, например, деловые люди утверждают свои, церковь — свои, политические круги — свои и т.д. Появляется, так сказать, многоценностная система. Раньше она тоже была, но она была невысказанной и носила, скорее всего, фрагментарный характер, а сейчас в самой публичной сфере существуют разные системы ценностей, каждая из которых высказывается, утверждается и т.д.

Этой потерей монополии интеллигенции и объясняется, наверное, что она ощущает сейчас полную потерю всяких ценностей. Что мне

кажется не совсем правильным. И чтобы вернуться к тому треугольнику, о котором говорил Юрий Александрович, отмечу, что, потеряв монополию на ценности, интеллигенция забыла, я бы сказал, и свою роль. То есть, потеряв, может быть, мифическую свою функцию говорить народу, что он должен делать, т.е. просвещать его и говорить власти, что она должна делать, т.е. окультурировать ее, интеллигенция должна вновь обрести забытую ею традиционную роль. Во всех обществах, как мне кажется, роль интеллигенции в том, чтобы утверждать некоторые нормы. Я попробую это объяснить. Когда начинают выгонять из города людей "кавказской национальности", интеллигенция должна сказать, что это не соответствует норме, что так нельзя. Ее роль — не просвещение народа, потому что, мне кажется, с потерей понятия "интеллигенция" должно исчезнуть и понятие "народ", которое также является мифом. Есть некоторые социальные нормы, которые общество должно соблюдать; если оно хочет существовать — они должны сохраниться. Мне кажется, что опасность сейчас в том, что те, которые не должны были бы молчать, потеряв монополию, просто уже и не умеют формулировать эти нормы.

Вопрос: Вы говорите о двух типах ценностей, которые как-то меняют свою пропорцию. А можно как-то охарактеризовать каждый из этих типов, назвать источники того и другого. Имеют ли они названия: общее или каждый из них?

Ответ: Название? Нет, я не знаю. Может, у них и есть название, но я его не знаю. Мне кажется, я называл не два типа, скорее, это был "слоеный пирог". Я старался сказать: мне кажется, что в советской системе основой структурирования была, конечно, официальность. Был официоз, был антиофициоз, связанный с ним, и было то, чего как бы совершенно не существовало. То есть официальные, неофициальные, но в то же время артикулированные, и просто неартикулированные ценности, которые не высказывались вслух, но служили некоторыми нормами в обществе.

Вопрос: А как быть с вашей замечательной идеей об уважении тоталитаризма к демократии? Я действительно очень высоко ценю эту мысль, и, наверное, не я один. Но Вы вот что скажите в связи с этим. По-моему, тоталитаризм как таковой безъязык. Рождаясь как тип отношений, как система властвования, он не имел своего собственного языка никогда. В наших условиях он обрел язык действительно, так сказать, просвещенческий, которым владела наличная на тот момент интеллигенция, скажем социал-демократия. Согласны ли Вы с этим?

Ответ: Я напрасно сказал "тоталитаризм" — не надо было употреблять это слово. Что я хотел сказать? Скажем, у большевизма был свой язык. Большевизм утверждался, говорил открыто, гордился тем, что делал, — очень короткое время. То есть очень короткое время говорили: "надо их истреблять", "надо ввести полевые суды" и т.д. Очень быстро начали все это одевать в одежды соблюдения всех мировых правил, например, правосудия. Дессидентов судили, и, что

очень показательно, судили за хулиганство. То есть я хотел сказать, что тоталитаризм использовал другой язык. Хотя этот язык был скорее смешанный.